

УДК 342.36

DOI 10.25688/2076-9113.2019.33.1.01

**А.А. Дорская,
А.Ю. Дорский**

К вопросу о юридическом определении понятия «социальная травма» в контексте изучения коллективной памяти¹

Целью статьи является разработка юридического подхода к предложенному социологами понятию «социальная травма», определение роли права в преодолении социальных травм. На основании анализа взглядов исследователей, принадлежащих к различным областям знания, показано, что концепт «социальная травма» тесно связан с концептом «коллективная память». Авторы дают определение социальной травмы в юридическом аспекте, делают вывод, что право может играть роль инструмента, смягчающего последствия существующих травм и предотвращающего появление новых.

Ключевые слова: социальная травма; коллективная память; этапы травматических событий; законодательство о памяти; роль права в регулировании последствий травматических событий.

С конца XX в. слово «травма» стало применяться в разных сферах гораздо чаще, чем раньше. Как отмечает один из основоположников теории социальной травмы, польский социолог Петр Штомпка, «новая парадигма — парадигма травмы, медленно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук» [30: с. 6].

Этимологически слово «травма» происходит от древнегреческого «рана», однако, как отмечает Кэти Карут, сегодня даже в специализированной медицинской литературе все чаще термин «травма» понимается как сильнейший, нарушающий осознание времени, себя и мира, эмоциональный шок [33: р. 3]. Теория социальной травмы стала разрабатываться со второй половины XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01233 «Правовой фактор в динамике социальной травмы: российский опыт».

Ее возникновение во многом связано с тем, что, по образному выражению известного французского историка, представителя третьего поколения школы Анналов Пьера Нора (р. 1931), наступила эпоха «всемирного торжества памяти» [18]. Одним из первых понятие коллективной памяти ввел французский социолог М. Хальбвакс (1877–1945) [29]. Исследованию этого феномена способствовали работы в различных областях психологии и социологии [3; 4; 8; 37].

Современные исследователи считают, что можно выделить три этапа исходя из соотношения истории и памяти [17: с. 123].

Первый — с древности до начала XIX в. — когда историописание определялось как «припоминание», характеризующееся субъективным и односторонним подходом к описанию исторических событий, высокой степенью мифологизации и героизации.

Второй, — начавшийся в XIX в. и продолжавшийся до 1970-х гг., имел своей отличительной особенностью разделение памяти и истории. На этом этапе история стала формироваться как научная дисциплина с позитивистским уклоном, обуславливающим жесткий отбор источников информации и объективистский характер описания.

Наконец, третий этап, начало которого пришлось на 70-е гг. XX в., продолжается до сих пор. Произошло «воссоединение» исторической науки и памяти, что привело к глубочайшему кризису национальных историй и их замещению на множественную память.

П. Нора пишет о начале XXI в.: «В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому.

Формы этого изменения многообразны: критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных составляющих исторического процесса; восстановление следов уничтоженного или отнятого прошлого; культ корней (roots) и развитие генеалогических изысканий; бурное развитие всяческих мемориальных мероприятий; юридическое сведение счетов с прошлым; рост числа разнообразнейших музеев; повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним; возобновившаяся привязанность к «наследию» — тому, что в англоязычном мире называется “heritage”, а во Франции — “patrimoine”...» [18].

В результате выражение «страна с непредсказуемым прошлым» стало характерно для большинства современных государств, обладающих травматическим прошлым.

Один из основоположников теории социальной травмы, американский социолог Джеффри Александер, предложил следующую классификацию подходов к проблеме.

Во-первых, «согласно популярной теории, травмы суть естественным образом происходящие события, которые сокрушают ощущение благополучия у индивидуального или коллективного актора» [2: с. 9].

Первой разновидностью данной теории Александер назвал версию «философии Просвещения». Общество или индивидуум рассматриваются как рациональные субъекты, подвергшиеся воздействию резких перемен. Ясно осознавая причины травматического события, субъект пытается решить проблему и создать условия для благоприятного развития. Например, Артур Нил считает, что социальными травмами американского общества являлись Гражданская война 1861–1865 гг., Великая депрессия 1929–1933 гг. и травмы Второй мировой войны 1941–1945 гг., приведшие к долгосрочным изменениям [39: р. 5].

Второй разновидностью является психоаналитическая версия. Между внешним сокрушительным событием и внутренней травматической реакцией конкретного человека или общества оказываются неосознаваемые эмоциональные страхи и искажающие познавательные процессы механизмы психологической защиты [2: с. 12]. Как отмечает Р. Айерман, жертва просто забывает или отрицает произошедшее. Однако это не более чем период латентности, который обязательно закончится, даже если он продолжался несколько десятилетий, и влияние травмы обязательно обнаружит себя [1: с. 122–123]. Равновесие может быть возвращено, только когда возвращается память. Примером такого преодоления социальной травмы является увековечивание памяти жертв репрессий, когда через «политику памяти» прошлых преступлений нация самовосстанавливается [31: с. 97].

Во-вторых, Дж. Александер выделил культурные травмы. Критерием выделения данного вида социальных травм является идея о том, что для осознания травмы сообществом социальный кризис должен перерасти в культурный, т. е. важны не столько события, сколько их репрезентация [2: с. 18].

Теория социальной травмы приобрела особую актуальность в последние годы. Начало любого века всегда сопровождалось выработкой новых парадигм развития, которые базировались в том числе на переосмыслении опыта прошлого. Вступление не только в новый век, но и новое тысячелетие усилило данный процесс. Причем интересно, что коллективная память обращается сначала к событиям недавнего прошлого, а затем проникает в глубь веков.

Приведем лишь несколько наиболее ярких примеров переживания социальных травм на современном этапе.

Многими народами до сих пор переживаются как травматические события Второй мировой войны. Причем если для россиян Великая Отечественная война остается в основном событием, вызывающим гордость за свою страну и свой народ, сумевший противостоять нацизму, то, к примеру, для части польского населения это время воспринимается как потеря государственности, сговор тоталитарных лидеров и т. д.

Колониальное прошлое ряда стран и народов тоже переживается как социальная травма. Например, в Австралии началась «война» с памятниками Джеймсу Куку, на которых написано, что он открыл данный материк [36]. Показательными являются попытки выхода из Международного уголовного суда таких африканских государств, как ЮАР и Бурунди. В частности, правительство

Южно-Африканской Республики заявило о выходе из-под юрисдикции Международного уголовного суда после отказа исполнить его решение об аресте действующего президента Судана Омара аль-Башира, который прибыл в ЮАР на саммит [32]. Таким образом была продемонстрирована ценность африканского единства, ставшего одним из основных векторов развития африканских стран в постколониальный период.

Травматичными оказались и процессы распада социалистического лагеря в конце 80 – начале 90-х гг. XX в. Бывшие национальные федерации ждала разная судьба: разрыв многих экономических, политических, культурных и личных связей народов, входивших в состав СССР, военные действия на территории бывшей Югославии, мирный «развод» Чехии и Словакии. Однако последствия данных разрушительных процессов не преодолены до сих пор: становление национальной идентичности народов, формирование государственности зачастую проходят очень болезненно.

Безусловно, социальной травмой на мировом уровне стал международный терроризм. Так, например, З.Ш. Матчанова, ссылаясь на положения П. Штомпки о том, что травма представляет собой социальный факт, т. е. она является коллективным феноменом, переживаемым группой людей в результате разрушительных событий, интерпретируемых ими как травматические, и воспринимается как внешнее и налагающее обязательства на каждого члена группы явление [30: с. 10], пришла к выводу, что все это всецело относится и к терроризму [14: с. 57]. «Особенность террористических актов, — пишет З.Ш. Матчанова, — состоит в том, что они несут разрушение как в сугубо материальном (физическом) смысле, так и в нематериальном (социальном, психологическом, политическом). Любой террористический акт нацелен на масштабные разрушения с как можно большим количеством человеческих жертв, но не столько ради уничтожения или повреждения каких-либо объектов материального мира (...), и даже не столько с целью уничтожить или покалечить конкретных людей (...), а с целью причинения той самой общей травмы, нанесения “раны”, которая будет заживать годами, а для отдельных субъектов не заживет никогда» [13: с. 108].

К социальным травмам можно отнести и процессы глобализации и глокализации, разрушающие привычные представления об идентичности. Глобализация меняет парадигму взаимоотношений между государствами, что неизбежно сказывается на всех сферах человеческой деятельности, задавая для последней универсальный вектор развития [20: с. 120].

Наличие социальной травмы не является вечным. П. Штомпкой были выделены следующие этапы (последовательность) травматических событий: возникновение среды, благоприятствующей развитию травмы, т. е. структурное или культурное прошлое; «травматические события или ситуации; способы определения, интерпретации, выражения или толкования травматических событий» [30]; общепринятые модели поведения, следующие из этих ситуаций и определений; посттравматическая адаптация и преодоление травмы,

при котором возможно два варианта — либо преодоление социальной травмы переходит в завершающую стадию, либо начинается «новый цикл травматической последовательности, если смягченная травма таит в себе условие для появления нового вида травм» [30].

Роль права на разных этапах развития общества может существенно изменяться, но главное его назначение — либо предотвратить, либо преодолеть социальную травму, не провоцируя при этом новой.

Первый этап — это возникновение среды, благоприятствующей развитию травмы, т. е. структурное, или культурное прошлое.

В качестве примера можно рассмотреть СССР накануне распада: резкое ухудшение экономической ситуации, новый этап холодной войны, информационная закрытость, проявившаяся в дни Чернобыльской катастрофы, и другие события, продемонстрировавшие руководству страны опасность дальнейшего сохранения сложившегося положения. Начались изменения в правовой сфере, связанные с провозглашением политики перестройки и гласности. Так, были отменены статьи Уголовного кодекса, запрещающие критику советской власти, в частности статья 190.1 УК РСФСР, которая запрещала распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй [25: ст. 1074]. Была предпринята попытка использовать право в качестве превентивного инструмента, который не должен дать социальной травме развиваться.

Второй этап — травматические события, или ситуация (известный американский социолог Нил Смелзер (1930–2017) называл это структурным напряжением [5: с. 112]).

Например, в 1978–1979 гг. французский писатель, профессор литературоведения Роберт Фориссон (1929–2018) издал несколько статей и книгу, в которых отрицал геноцид нацистов в отношении еврейского населения стран Европы, показывал невозможность массовых убийств газом в том виде, в котором они были описаны, и назвал подделкой дневник Анны Франк [34]. Это вызвало во Франции огромный резонанс, приведший к принятию 13 июня 1990 г. закона Гейссо, устанавливающего запрет на любое расистское, антисемитское или ксенофобское действие [38]. Под такими действиями понималось, в частности, отрицание Холокоста и решений Нюрнбергского трибунала. За публичные высказывания, нарушающие этот закон, устанавливалась уголовная ответственность. Р. Фориссон и его издатель были приговорены к крупным денежным штрафам. Интересно, что обращения ученого в международные органы оказались безуспешны. В 1996 г. его жалобу отклонила Европейская комиссия по правам человека. Профессор ссылался на статью 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., гарантирующую свободу выражения мнения [11]. Отказано ему было со ссылкой на статью 17, запрещающую злоупотребление правами [23]. Также жалобу Фориссона отверг Комитет по правам человека ООН, не усмотревший в его деле нарушения статьи 19 Международного пакта о гражданских

и политических правах 1966 г. о праве беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно их выражать [15]. Более того, после принятия аналогичных французскому законов в Австрии (1992) и Бельгии (1996) в 1996 г. Директива Европейского союза обязала страны-члены ввести уголовную ответственность за публичное оправдание преступлений, осужденных Нюрнбергским трибуналом. А 28 ноября 2008 г. Совет Евросоюза принял Рамочное решение 2008/913/ПВД «О борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права» [22]. Таким образом, закон Гейссо стал одним из первых нормативных актов современного европейского законодательства о памяти (a memory law, une loi mémorielle, Erinnerungsgesetz).

Актуальный пример касается созданного в Польше еще в 1998 г. Института национальной памяти. Основными функциями этого учреждения являлись исследования преступлений нацистского и коммунистического режимов [35]. Однако на современном этапе в связи с украинскими событиями последовали изменения: 6 февраля 2018 г. президент Польши подписал пакет поправок в закон об Институте национальной памяти, среди которых было и установление уголовной ответственности за пропаганду бандеровской идеологии и отрицание Волынской резни [21].

Третий этап — «особые способы интерпретаций, выражения или толкования травматических событий» [30], и определяемый этими интерпретациями четвертый этап — распространенные модели поведения. На практике эти стадии неразрывны, являясь разными аспектами одних процессов. Рассмотрим их на примере переживания на национальном и международном уровнях событий Первой мировой войны.

Уже начало войны воспринималось многими как сильнейшая травма не только в силу мобилизации и экономических ограничений. Как отмечает А.М. Олешкова, «сама идея прогрессивного развития, которая внушала уверенность и прозрачность бытия, была подорвана Первой мировой войной, обнажив кризисность и расколотость социальных интенций человека» [19: с. 32]. Вскоре стало понятно, что война оставляет после себя невиданное до этого времени число жертв. Погибло более 9 млн солдат, ранения получили около 20 млн. Гуманитарной катастрофой стало небывалое прежде количество инвалидов. Только в Германии на социальное обеспечение претендовали 2,7 млн человек, получивших инвалидность [12: с. 7].

Государства пытались создать новые системы социального обеспечения пострадавших от военных действий. Так, Министерство путей сообщения Российской империи весной 1915 г. предложило Томскому округу путей сообщения обеспечить работой лиц, частично потерявших трудоспособность в результате военных действий. С начала 1916 г. до 50 % рассыльных и сторожей в почтово-телеграфных учреждениях набирались из инвалидов войны, «сохранивших известную трудоспособность» [7: с. 40]. К началу апреля 1916 г. в почтово-телеграфном ведомстве трудились 1085 воинов, получивших ранения. Чуть позже и Министерство народного просвещения в циркуляре руководству

Западно-Сибирского учебного округа призвало «всемерно содействовать делу обучения увечных воинов в пределах учебного округа организацией для них курсов и мастерских» [7: с. 41].

Таким образом, право выступило одним из инструментов преодоления войны как социальной травмы.

Сразу после окончания Первой мировой войны была учреждена Лига Наций, целью которой было предотвращение новой широкомасштабной войны и мирное разрешение международных споров на основе международного права [6: с. 7].

Осмысление событий Первой мировой войны способствовало определению массового уничтожения людей по какому-либо признаку как зла. Знаковым событием, в частности, стало истребление армянского населения Османской империи. А.Г. Кибальник и А.С. Мартиросян констатируют, что 22 апреля 1919 г. турецкий Военный трибунал «обвинил руководителей младотурецкого правительства именно в геноциде армян» [9: с. 132]. В конце 20-х гг. к изучению этого вопроса обратился студент-юрист Львовского университета Рафаэль Лемкин, считающийся создателем термина «геноцид» [24: с. 104]. Современные исследователи описывают, как пораженный жестокостью злодеяния и безнаказанностью его виновников Лемкин начал борьбу за установление в международном праве наказания за подобные преступления. После Второй мировой войны его идеи были подхвачены широким кругом юристов. В своем заключительном выступлении на Нюрнбергском процессе представитель Великобритании Хартли Шоукросс повторил неологизм «геноцид» целых пять раз. 9 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [10].

Пятый этап — посттравматическая адаптация.

Примером здесь может служить отношение ко Второй мировой войне в Германии. Главные нацистские военные преступники были осуждены Международным военным трибуналом в Нюрнберге, личная полиция и СС были запрещены и ликвидированы как преступные организации. В западной зоне оккупации было уничтожено 3 600 000 нацистских преступников, в советской — 400 000 [16: с. 172–173], Германия должна была выплатить репарации в размере 20 млрд долларов. Для немецкого народа основным вектором стало признание совершенных преступлений, принятие ответственности за них, создание условий, при которых похожая ситуация не могла бы повториться.

В конце XX – начале XXI в. в Германии был принят ряд законов, определяющих отношение к событиям Второй мировой войны. В день окончания войны в Европе и подписания акта о капитуляции Германии, 8 мая 1985 г., президент ФРГ Р. фон Вайцзекер назвал эту дату «днем освобождения». В ГДР это было сделано на 35 лет раньше. В сентябре 1994 г. бундестаг принял параграф 86а Уголовного кодекса, запрещающий распространение или публичное использование, а также изготовление и хранение с этими целями флагов, знаков отличия, мундиров, лозунгов и приветствий национал-социалистической организации [40]. В 2000 г. в ФРГ был принят закон о создании фонда «Память, ответственность и будущее», задачей которого стал сбор средств для выплат

иностранным гражданам, угнанным в Германию во время Второй мировой войны [28].

Последний, шестой этап — преодоление травмы. Здесь может быть два варианта: либо травматическая последовательность завершается, либо начинается «новый цикл», если смягченная травма таит в себе условие для появления нового вида травм» [30].

Примером первого варианта является менявшееся в СССР отношение к Дню Победы. В 1945–1947 гг. он был выходным днем, но в конце 1947 г. было принято решение, что День Победы будет рабочим днем, а Новый год — выходным [26]. Причины такого шага не вполне известны. Обычно называется либо стремление И.В. Сталина «поставить на место» ветеранов в рамках общей политики воспевания вождя и его заслуг, в том числе в период Великой Отечественной войны, либо, наоборот, попытка не показать огромное количество людей, оставшихся в результате войны инвалидами. С 1965 г. День Победы снова стал выходным днем [27]. Военный парад впервые был проведен 9 мая 1945 г., затем после большого перерыва военные парады были восстановлены с 1965 г. Таким образом, за двадцатилетний срок в Советском Союзе было четко определено отношение к Дню Победы как к одному из главных праздников.

Однако возможен другой сценарий, при котором преодоление социальной травмы способствует новому циклу травматической последовательности, т. е. одна социальная травма порождает другую.

Так, Версальский мирный договор 1919 г. определил пути преодоления ряда проблем, проявившихся в годы Первой мировой войны: предусмотрел ряд прогрессивных социально-экономических мер (ст. 276–279 и др.), обеспечение прав малых стран и народов (например, п. 34–30 Приложения о Саарском бассейне), репатриацию военнопленных (ст. 214), реституцию материальных ценностей (ст. 239) [7] и т. д. Однако другие условия Версальского договора — сокращение немецкой армии до 100 000 человек (и это при условии того, что армия являлась гордостью германской нации (ст. 160)), катастрофическая потеря исконных территорий (ст. 27–28), баснословные репарации (только за 1919, 1920 и первые четыре месяца 1921 гг. Германия должна была выплатить странам-победительницам 20 млрд золотых марок) и другие — породили у немцев новую, более сильную социальную травму, которая позволила в дальнейшем нацистам прийти к власти и успешно продвигать нацистскую идеологию. Данный пример убедительно показывает, что какими бы ни были исторические события, закреплённая нормативно-правовым путем политика реваншизма является причиной появления не просто новых социальных травм, но и общепланетарных катастроф.

Таким образом, правовой фактор проявляется на всех этапах возникновения, развития и преодоления социальных травм.

Подытоживая, дадим наше определение социальной травмы в юридическом аспекте. Социальная травма с юридической точки зрения — это отраженное в правовых документах событие, последствия которого должны быть преодолены и повторение которого должно быть заблокировано с помощью правовых

средств. Законодательная оценка тех или иных травмирующих исторических событий характерна сегодня для многих стран мира. Право не только способствует преодолению социальных травм, но и может выполнять превентивную функцию — предотвращать их возникновение.

Литература

1. *Айерман Р.* Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
2. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–39.
3. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
4. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
5. *Бороденко О.В.* Культурная травма и социокультурная сфера общества // Наука и инновации в современном мире: философия, литература и лингвистика, культура и искусство, архитектура и строительство, история. Одесса: Изд-во С.В. Куприенко, 2017. С. 107–114.
6. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. Со вступительной статьей проф. Ю.В.Ключникова и предметным указателем. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. 199 с.
7. *Еремин И.А.* Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 1 (6). С. 40–43.
8. *Касториадис К.* Воображаемое установление общества / пер с фр. Г. Волковой, С. Офергаса. М.: Гнозис, Логос, 2003. 480 с.
9. *Кибальник А.Г., Мартиросян А.С.* О геноциде армянского населения в Первую мировую войну // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 131–133.
10. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide (дата обращения: 28.07.2018).
11. Конвенция Совета Европы от 04.11.1950 г. о защите прав и основных свобод человека // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 08.10. 2018).
12. *Леффельбайн Н.* О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике при национал-социализме // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1. № 1 (23). С. 7–19.
13. *Матчанова З.Ш.* Террористический акт как социальная травма: криминологический анализ // Вестник Академии права и управления. 2018. № 2 (51). С. 107–112.
14. *Матчанова З.Ш.* Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2018. № 3 (31). С. 56–63.
15. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/politpact.pdf (дата обращения: 27.08.2018).

16. *Нань Х.* Разница в подходах к истории Второй мировой войны в Германии и Японии // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тезисы докладов российско-китайской научной конференции. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 171–177.

17. *Николаенко Г.А., Евсикова Е.В.* Новая концепция памяти: от М. Хальбвакса до А. Ассман // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 122–126.

18. *Нора П.* Всемирное торжество памяти / пер. с франц. М. Сокольской // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 13.12.2018).

19. *Олешикова А.М.* Травма социальных изменений как неосознанное удовольствие // Система ценностей современного общества. 2014. № 35. С. 32–36.

20. *Пашенцев Д.А.* Права человека в условиях глобализации // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 5-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н.Н. Кулешова. Рязань, 2017. С. 120–122.

21. Президент Польши подписал обновленный «Закон о Холокосте» // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/29024741.html> (дата обращения: 07.01.2019).

22. Рамочное решение 2008/913/ПВД Совета Европейского союза о борьбе с отдельными формами и проявлениями расизма и ксенофобии посредством уголовного права // Центр права Европейского союза. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (дата обращения: 02.06.2018).

23. Робер Фориссон // Традиция. Русская энциклопедия. URL: https://traditio.wiki/Робер_Фориссон (дата обращения: 27.08.2018).

24. *Требст Ш.* Лемкин и Лаутерпахт: два юриста из Львова // Отечественные записки. 2013. № 6 (57). С. 103–110.

25. Уголовный кодекс РСФСР (утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 37.

26. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года «Об объявлении 1 января нерабочим днем» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. / под ред. Ю.И. Мандельштам. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 376.

27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 года № 3479-VI «О признании утратившей силу статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г.». URL: <http://base.garant.ru/6341191/> (дата обращения: 07.01.2019).

28. *Филитов А.М.* Русские и немцы — трудный путь к примирению // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 11 (44). С. 7.

29. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

30. *Штомпка П.* Социальные изменения как травма / пер. А.Ю. Мосеевой и Н.В. Романовского // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.

31. *Шульга Р.Ю.* Забыть историю: официальная политика памяти в современной России // Гуманитарные науки и модернизация правовой системы государства: российский и зарубежный опыт: труды IV Международной научно-практической конференции / под ред. Г.Б. Гридневой, А.Б. Дидикина. Новосибирск: Омега Принт, 2015. С. 94–100.

32. ЮАР выходит из-под юрисдикции Международного уголовного суда // ТАСС. 21 окт. 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3722468> (дата обращения: 10.02.2018).

33. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 167 pp.

34. *Faurisson R.* Is The Diary of Anne Frank genuine? // The Journal of Historical Review. Institute for Historical Review. Spring 1982. Vol. 3. Iss. 2. P. 147–210.
35. Instytut pamięci narodowej. URL: <http://ipn.gov.pl/> (дата обращения: 27.08.2018).
36. *Knaus C.* «No pride in genocide»: vandals deface Captain Cook statue in Sydney's Hyde park // The Guardian. 26.08.2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/aug/26/captain-cook-statue-and-two-others-in-sydneys-hyde-park-attacked-by-vandals> (дата обращения: 07.01.2019).
37. *Lacan J.* R.S.I. Séminaire 1974–1975. Paris: A.L.I., 2002. 212 pp.
38. Loi n 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEX-T000006076185&dateTexte=vig> (дата обращения: 21.11.2018).
39. *Neal A.* National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. xi + 224 pp.
40. Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (дата обращения: 07.01.2019).

Literatura

1. *Aierman R.* Social'naya teoriya i travma // Sociologicheskoe obozrenie. 2013. T. 12. № 1. S.121–138.
2. *Aleksander Dzh.* Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. S. 6–39.
3. *Anderson B.* Voobrazhaemy'e soobshhestva. Razmy'shleniya ob istokax i rasprostraneni nacionalizma / per. s angl. V. Nikolaeva; vstup. st. S. Ban'kovskoj. M.: Kanon-press-Cz, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
4. *Assman A.* Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. B. Xlebnikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 323 s.
5. *Borodenko O.V.* Kul'turnaya travma i sociokul'turnaya sfera obshhestva // Nauka i innovacii v sovremennom mire: filosofiya, literatura i lingvistika, kul'tura i iskusstvo, arhitektura i stroitel'stvo, istoriya. Odessa: Izd-vo S.V. Kuprienko, 2017. S. 107–114.
6. Versal'skij mirny'j dogovor. Polny'i perevod s francuzskogo podlinnika pod redakciej prof. Yu.V. Klyuchnikova i A. Sabanina. So vstupitel'noj stat'ej prof. Yu.V. Klyuchnikova i predmetny'm ukazatelem. M.: Izdanie Litizdata NKID, 1925. 199 s.
7. *Eremin I.A.* Trudoustroistvo invalidov Pervoj mirovoj vojny' v Zapadnoj Sibiri // Gumanitarny'e problemy' voennogo dela. 2016. № 1 (6). S. 40–43.
8. *Kastoriadis K.* Voobrazhaemoe ustanovlenie obshhestva / per s fr. G. Volkovoj, S. Ofertasa. M.: Gnozis, Logos, 2003. 480 s.
9. *Kibal'nik A.G., Martirosyan A.S.* O genocide armyanskogo naseleniya v Pervuyu mirovuyu vojnu // Obshhestvo i pravo. 2011. № 5 (37). S. 131–133.
10. Konvenciya o preduprezhdenii prestupleniya genocida i nakazanii za nego. Prinyata rezolyuciej 260 (III) General'noj Assamblei OON ot 9 dekabrya 1948 g. // Organizaciya Ob'edinenny'x Nacij. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide (дата обращения: 28.07.2018).
11. Konvenciya Soveta Evropy' ot 04.11.1950 g. o zashhite prav i osnovny'x svobod cheloveka // Sovet Evropy'. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 08.10.2018).
12. *Leffel'bain N.* O geroizme i stradaniyax invalidov. Invalidy' Pervoj mirovoj vojny' v Veimarskoj respublike pri nacional-socializme // Idei i idealy'. 2015. T. 1. № 1 (23). S. 7–19.

13. *Matchanova Z.Sh.* Terroristicheskij akt kak social'naya travma: kriminologicheskij analiz // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 2 (51). S. 107–112.
14. *Matchanova Z.Sh.* Ugolovno-pravovaya xarakteristika terrorizma v kontekste teorii social'noj travmy' // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2018. № 3 (31). S. 56–63.
15. Mezhdunarodny'i pakt o grazhdanskix i politicheskix pravax ot 16 dekabrya 1966 g. // Organizaciya Ob''edinenny'x Nacii. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/politpact.pdf (data obrashheniya: 27.08.2018).
16. *Nan' X.* Raznica v podxodax k istorii Vtoroj mirovoj vojny' v Germanii i Yaponii // Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy' nad fashizmom i yaponskim militarizmom vo Vtoroj mirovoj vojne: tezisy' dokladov rossijsko-kitaiskoj nauchnoj konferencii. M.: IDV RAN, 2015. S. 171–177.
17. *Nikolaenko G.A., Evsikova E.V.* Novaya koncepciya pamyati: ot M. Xal'bvaksa do A. Assman // Kul'turnaya pamyat' i kul'turnaya identichnost': materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodny'm uchastiem) nauchnoi konferentsii molody'x ucheny'x (XI Kolosniczy'nskie chteniya). Ekaterinburg: UrFU, 2016. S. 122–126.
18. *Nora P.* Vsemirnoe torzhestvo pamyati / per. s francz. M. Sokol'skoj // Zhurnal'ny'j zal. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (data obrashheniya: 13.12.2018).
19. *Oleshkova A.M.* Travma social'ny'x izmenenij kak neosoznanное udovol'stvie // Sistema cennostei sovremennoho obshhestva. 2014. № 35. S. 32–36.
20. *Pashencev D.A.* Prava cheloveka v usloviyax globalizacii // Pravo i politika: teoreticheskie i prakticheskie problemy': sbornik materialov 5-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. N.N. Kuleshova. Ryazan', 2017. S. 120–122.
21. Prezident Pol'shi podpisal obnovlenny'j «Zakon o Xolokoste» // Radio Svoboda. URL: <https://www.svoboda.org/a/29024741.html> (data obrashheniya: 07.01.2019).
22. Ramochnoe reshenie 2008/913/PVD Soveta Evropeiskogo soyuza o bor'be s ot-del'ny'mi formami i proyavleniyami rasizma i ksenofobii posredstvom ugolovnogo prava // Centr prava Evropeiskogo soyuza. URL: http://eulaw.edu.ru/old/documents/legislation/law_defence/racism.htm (data obrashheniya: 02.06.2018).
23. Rober Forisson // Tradiciya. Russkaya enciklopediya. URL: https://traditio.wiki/Робер_Фориссон (data obrashcheniya: 27.08.2018).
24. *Trebst Sh.* Lemkin i Lauterpaxt: dva yurista iz L'vova // Otechestvenny'e zapiski. 2013. № 6 (57). S. 103–110.
25. Ugolovny'j kodeks RSFSR (utverzhdzen Verxovny'm Sovetom RSFSR 27.10.1960 g.) (red. ot 30.07.1996 g.) // Vedomosti Verxovnogo Soveta RSFSR. 1989. № 37.
26. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 23 dekabrya 1947 goda «Ob ob''yavlenii 1 yanvarya nerabochim dnev» // Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g. / pod red. Yu.I. Mandel'shtam. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury', 1956. S. 376.
27. Ukaz Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 26 aprelya 1965 goda № 3479-VI «O priznanii utrativshej silu stat'i I Ukaza Prezidiuma Verxovnogo Soveta SSSR ot 23 dekabrya 1947 g.». URL: <http://base.garant.ru/6341191> (data obrashheniya: 07.01.2019).
28. *Filitov A.M.* Russkie i nemczy' — trudny'j put' k primireniyu // E'lektronny'j nauchno-obrazovatel'ny'j zhurnal «Istoriya». 2015. № 11 (44). S. 7.
29. *Xal'bvaks M.* Social'ny'e ramki pamyati. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.
30. *Shtompka P.* Social'ny'e izmeneniya kak travma / per. A.Yu. Moseevoy i N.V. Romanovskogo // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6–16.

31. *Shul'ga R. Yu. Zaby't' istoriyu: oficial'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii // Gumanitarny'e nauki i modernizaciya pravovoj sistemy' gosudarstva: rossiiskij i zarubezhny'j opyt: trudy' IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. G.B. Gridnevoj, A.B. Didikina. Novosibirsk: Omega Print, 2015. S. 94–100.*

32. *YuAR vy'xodit iz-pod yurisdiksii Mezhdunarodnogo ugolovnogogo suda // TASS. 21 okt. 2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3722468> (data obrashheniya: 10.02.2018).*

33. *Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 167 rp.*

34. *Faurisson R. Is The Diary of Anne Frank genuine? // The Journal of Historical Review. Institute for Historical Review. Spring 1982. Vol. 3. Iss. 2. R. 147–210.*

35. *Instytut pamięci narodowej. URL: <http://ipn.gov.pl/> (data obrashheniya: 27.08.2018).*

36. *Knaus C. «No pride in genocide»: vandals deface Captain Cook statue in Sydney's Hyde park // The Guardian 26.08.2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/aug/26/captain-cook-statue-and-two-others-in-sydneys-hyde-park-attacked-by-vandals> (data obrashheniya: 07.01.2019).*

37. *Lacan J. R.S.I. Séminaire 1974–1975. Paris: A.L.I., 2002. 212 rp.*

38. *Loi n 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEX-T000006076185&dateTexte=vig> (data obrashheniya: 21.11.2018).*

39. *Neal A. National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY: Sharpe, 1998. xi + 224 pp.*

40. *Strafgesetzbuch // Bundesministerium der Jusiz und für Verbraucherschutz. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/stgb/> (data obrashheniya: 07.01.2019).*

A.A. Dorskaya,

A. Yu. Dorskiy

On the Issue of the Legal Definition of the Concept of «Social Trauma» in the Context of Studying Collective Memory

The purpose of the article is to develop a legal approach to the concept of social trauma proposed by sociologists, defining the role of law in overcoming social traumas. Based on the analysis of the views of researchers belonging to different areas of knowledge, it is shown that the concept of «social trauma» is closely related to the concept of «collective memory.» The correlation of the results of a formal, legal, historical analysis of a large body of normative documents with the stages of the social trauma dynamics proposed by P. Sztompka allows determining the significance of the regulatory framework for the pre-, post- and traumatic social development itself. In conclusion the authors give a definition of social trauma in the legal aspect, conclude that the law can play the role of a tool to mitigate the effects of existing traumas and prevent the emergence of new ones.

Keywords: social trauma; collective memory; stages of traumatic events; legislation about memory; the role of law in regulating the consequences of traumatic events.